

Глава 23.

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА БУДУЩЕГО В РОМАНАХ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» И «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

А.В. Лесевицкий

Пермский финансово-экономический колледж
г. Пермь, Россия

В статье А.В.Лесевицкого «Образ человека будущего в романах Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» автор рассматривает «модель» личности, которую сформировал русский писатель. Достоевским пророчески предсказано появление сверхчеловека в западном мире, в национал-социалистической Германии были воплощены некоторые философские идеи Ф.Ницше. Задолго до Нюрнбергского трибунала Достоевский писал о нежизнеспособности учения, в основу которого кладется ненависть к своему ближнему.

Практически для любого исследователя творчества Достоевского неоспорим тот факт, что писатель обладал даром социального прогнозирования, - многие его предсказания сбылись в XX веке.

Осознавая социальные изменения европейской цивилизации XIX века, Достоевский сформировал образ человека будущего. На появление данной концепции повлияли два фактора: невиданное ранее распространение атеистических идей в Европе, а также появление философии крайнего индивидуализма. Например, в «Преступлении и наказании» он предвосхитил многие идеи Ф. Ницше, впервые в истории литературы создав прообраз сверхчеловека.

Ницше сконструировал «модель» «нового индивида», который является антиподом «ветхого» христианского человека. Однако Достоевский выступал против подобной личности, утратившей чувство сострадания к своему ближнему. В своем романе «Преступление и наказание» автор предупреждал читателя об опасности разрыва со

«старой» христианской моралью, история всецело подтвердила его правоту. После прихода национал-социалистов к власти в Германии А. Гитлер стал воплощать некоторые постулаты философии Ф. Ницше в жизнь: «Политические лидеры и идеологи фашистского движения еще до захвата власти провозгласили себя теоретическим наследниками Ницше, а самого философа – «провозвестником» национал-социализма. Закрепившись у власти, они превратили ницшеанство в полуофициальную философию. Гитлер взял под свое покровительство рукописное наследие «учителя», многозначительно фотографировался подле его бюста, рассылал его произведения с дарственными надписями своим друзьям» [7, с. 178].

Необходимо отметить, что Ф. Ницше читал отдельные произведения Достоевского. Роман «Преступление и наказание» Ницше упоминает дважды. В одном случае он назван «последним произведением Достоевского». В 1888 г. Ницше сообщает одному из своих корреспондентов: «Французы инсценировали главный роман Достоевского». И здесь речь идет, несомненно, о «Преступлении и наказании», поставленном в том же году в парижском театре «Одеон». Вероятно, Достоевского имеет в виду Ф. Ницше, когда, касаясь последнего романа П. Бурже «Андре Корнелис», он замечает, что тому «дух Достоевского не дает покоя». Следует все же отметить, что приведенные свидетельства подтверждают лишь осведомленность Ницше об этом романе, но никак не доказывают, что он его читал [4, с. 681-682].

В «Преступлении и наказании» Достоевский предупреждает читателей обо всех опасностях крайнего индивидуализма, когда отдельная личность ставит себя намного выше общества и его морали. Если в «Записках из подполья» главный персонаж только намеревался совершить преступление, то Раскольников его совершает. Писатель показывает нам, до какой аморальности может прийти личность человека, отпавшего от общества, намеренно огородившего себя от социума. Остановимся подробнее на нашем тезисе.

Сама теория Раскольникова с характерными признаками социал-дарвинизма была чужда русской культуре. Раскольников – это представитель западного «открытого общества», перемещенный в русское «традиционное общество». Деление людей на «тварей дрожащих» и «право имеющих» – сугубо идеологическое утверждение, за ним скрывается система цивилизационных ориентиров, а, пожалуй, и це-

лостное мировоззрение. Известный культуролог В. Шубарт в своей книге «Европа и душа Востока» отметит: «Раскольников – тот русский тип, который пропитывается западным ядом и очищается от него вновь обретенным христианством. Европа – это дьяволизискуситель для русских. «Преступление и наказание» – это обвинительный акт против западных идеалов насилия, которому в литературе нет более потрясающего аналога» [14, с.236].

Идея сверхчеловека не есть плод кабинетных раздумий Ф. Ницше. Философия немецкого мыслителя – это барометр развития социума, западное общество столетиями шло к подобной «модели» человека. В своем исследовании М. Хайдеггер пишет: «Сущность сверхчеловека – это не охранная грамота для буйствующего произвола. Это основанный в самом же бытии закон длинной цепи величайших самоопределений, в продолжение которых человек постепенно созревает для такого сущего, которое как сущее всецело принадлежит бытию – бытию, что выявляет свою сущность воления как воля к власти, бытию, что своим выявлением творит целую эпоху, а именно последнюю эпоху метафизики» [13, с. 352]. Идея социал-дарвинизма, которую так отчетливо и правдиво выразил в своих книгах немецкий автор, имеет несколько ипостасей развития, в ней можно выделить этническую и социальную составляющие. Разделение социума на «право имеющих» и «тварей дрожащих» произошло на Западе в результате протестантской Реформации. Возникло отрицание идеи равенства всех людей перед Богом. Осязаемым признаком «избранности» отдельной личности стало богатство. Бедность, напротив, – черта принадлежности индивида к «низшей» расе. Значимой частью социал-дарвинизма стал расизм, который был слабо выражен в традиционном обществе. Наиболее ярко он проявлялся в отношении народов, которые колонизировал Запад. Западная цивилизация питалась соками других культур. Социальный расизм в отличие от этнического расизма имеет другое идеологическое преломление, в котором взаимодействие между буржуа и эксплуатируемым было не чем иным, как частным случаем отношений между колонизатором и колонизируемым. Общество социал-дарвинистского типа предстает ареной «борьбы всех против всех», слабые (пролетариат, эксплуатируемые) должны погибнуть в этой борьбе.

Когда в Европе происходило разрушение средневекового общества, необходима была идеологическая теория, способствующая безболезненному переходу к новому социуму. Традиционное общество характеризуется достаточно существенной сплоченностью его индивидов, общество-«рынок», напротив, является расколотой, атомизированной социальной структурой, столь точно описанной, например, экзистенциалистами. В буржуазном обществе идеалы братства между людьми, идеи социальной ответственности и взаимопомощи объявляются устаревшими и отжившими. Происходит перенос законов развития биологического мира на социальную плоскость. Общество начинает развиваться по тем же законам, что и биологическая среда. Идея борьбы видов, битва за жизненное пространство, столь фундаментально описанное у Ч. Дарвина, может быть применима и для анализа структуры общества. В природе хищник пожирает слабого, и такое положение является абсолютно естественным. Например, Т. Гоббс высказывает схожие идеи, он рисует нам «естественного» человека, который стер этические категории из сферы сознания, такой индивид готов подавлять более слабого индивида, он пишет о том, что природа дала каждому право на все. Это значит, что в чисто естественном состоянии, или до того, как люди связали друг друга какими-либо договорами, каждому было позволено делать все, что ему угодно и против кого угодно, а также владеть и пользоваться всем, что он хотел и мог обрести.

Подавление слабых, неприспособленных к постоянно меняющимся условиям существования людей является гарантией выживания сильных личностей. Раскольников отстаивает этот тезис. В социуме появляются свои «отверженные», цивилизация утратила социальное равенство. Сильным натурам можно все в отношении слабых. Западная идеология достаточно отчетливо выражает этот своеобразный вид социального расизма. Подобные теории получили большое развитие во время жестоких колониальных захватов, производимых большинством европейских стран. Представители других цивилизаций утратили свой человеческий статус, это были уже не люди, а своеобразный живой товар, живые орудия труда. Обратим внимание на то, что Раскольников называет старуху-процентщицу «жалкой вошью», ибо трудно убить человека, живую личность, но то, что уже утратило человеческий образ, убить гораздо легче. Э.Фромм в книге «Анатомия человеческой деструктивности» пишет о том, как амери-

канские средства массовой информации во время военного столкновения с войсками Вьетнама намеренно принижали человеческое достоинство солдат, сражавшихся против США. Вьетнамских солдат презрительно называли полуобезьянами: «Лейтенант Келли, который обвинялся в уничтожении десятков мирных жителей (стариков, женщин и детей) и был признан виновным, заявил в свое оправдание, что он не считал вьетнамцев людьми, что никто его не учил видеть в солдатах «Вьетконга» человеческие существа, что в армии существовало лишь понятие «противник». <....> То же самое делал Гитлер, когда обозначал политических противников словом «*untermenschen*» (низшие, люди второго сорта)» [12, с.155].

Ж.П. Сартр в своей книге «Бытие и ничто» тоже использует расчеловечивающие категории. Французский философ создает образ Другого, который незрим для нас. Личность лишь способна ощутить направленный на нее взгляд Другого. Если бы человек был способен воспринять его, как нечто реально существующее для нас, то личностью овладел жуткий страх. Ж.П. Сартр в своей книге использует образ Медузы Горгоны, созерцание которой превращало людей в камни. Достаточно любопытно обращение французского мыслителя именно к этому мифологическому персонажу, Другой в концепции Ж.П. Сартра – своеобразная нечеловеческая особь. Использование расчеловечивающих категорий в изображении Другого направлено на то, чтобы «оправдать» изначальную конфликтность межличностных взаимодействий в буржуазном социуме. Господствовать проще над тем существом, которое уже утратило человеческий образ. Это еще необходимо для того, чтобы подавить чувство общности с другими людьми, в конкурентной борьбе необходимо преодолеть сочувствие к другим индивидам. Э. Фромм предупреждает об опасности подобных расчеловечивающих категорий, которые использовал в некоторых своих работах Ж.П. Сартр: «Другой перестает быть для него человеком, а становится «предметом с другой стороны», при этих обстоятельствах исчезает преграда для самой страшной формы деструктивности. Каждый раз, когда другое человеческое существо перестает восприниматься как человек, может иметь место акт жестокости в любой форме» [12, с.155].

Достоевский пишет о том, что Раскольников и его расистская теория отвергнуты всеми. Русской культуре был во многом чужд со-

циальный расизм, именно по этой причине у Достоевского возникли проблемы с цензурой. Цензор предлагал «сгладить» остроту теории Раскольникова, столь вызывающе страшной она казалась любому русскому человеку. Принятие идеи социал-дарвинизма означает разрыв с традиционными ценностями русской культуры. Раскольниковская теория, основанная на принципах развития биологического мира, была отвергнута обществом. Только в западной цивилизации могла быть принята идеология о том, что социум возник из жестокой природы, а существование личности предполагает перманентную «борьбу всех против всех». Этносы, населяющие Россию, как и все незападные культуры, отталкивались от идеологии, согласно которой «произошли от богов». Сравнивая французское и русское крестьянство, А.В. Чаинов пришел к выводу, что в русском крестьянском быте не культивировалось мальтузианство. В русской аграрной общине из-за равенства распределения прибавочного продукта была гарантия выживания всех, а не кучки «избранных». Само русское общество разработало такой механизм распределения. Осознавая эту особенность русского крестьянского быта, П. Сорокин пишет: «Естественный закон борьбы за существование, уничтожение слабых сильными, неприспособленных – приспособленными, человечество заменяет искусственным законом взаимной помощи и солидарности» [10, с. 90].

Обратим внимание на то, что, когда Раскольников озвучивал свою расистскую теорию, Порфирий Петрович поинтересовался, верит ли он в Бога. В традиционном обществе религиозные догмы способны поставить под контроль деструктивные порывы отдельной личности, поэтому теория, в основе, которой лежит ненависть к ближнему, просто не могла быть позитивно воспринята в православной России, где помощь собрату воспринималась как должное поведение любого гражданина:

- Так вы все-таки верите же в Новый Иерусалим?
- Верую, – твердо отвечал Раскольников; говоря это и в продолжение всей длинной тирады своей, он смотрел в землю, выбрав себе точку на ковре.
- И-и-и в Бога веруете? Извините, что так любопытствую.
- Верую, – повторил Раскольников, поднимая глаза на Порфирия.

- И-и в воскресение Лазаря веруете?
- Ве-верую. Зачем вам все это?
- Буквально веруете?
- Буквально» [2, т. 5, с.247].

Русское традиционное общество есть социум другого типа, который создается на идеалах взаимопомощи, братского сотрудничества, чувстве долга. Раскольников со своей «западной» теорией был во многом чужд русскому обществу и его культуре: «Представления Гоббса вообще не были восприняты, как и социал-дарвинизм (то есть идея, что среди людей, как и в дикой природе, идет борьба за существование, в которой слабые должны погибнуть). В России даже была развита особая ветвь дарвинизма, делающая упор не на борьбе за существование, а на взаимопомощи» [5, с.116].

Обратим внимание на социал-дарвинистскую терминологию, которую использует Раскольников в своей статье. В этом кратком идеологическом произведении происходит разрыв с традиционной русской культурой, разрыв фундаментальный, цивилизационный, так как русская культура отвергала социальный расизм, как и мальтузианство. Теория Раскольникова – одна из первых выраженных ипостасей сущности нищезанятия в истории литературы. Русское образованное общество с интересом восприняло немецкого автора, он был «острым блюдом» для русской читающей публики. Ницше в начале XX века действительно был «модным» автором для многих отечественных интеллектуалов, но страшную расистскую сущность нищезанятия они отвергали. И Н.А. Бердяев, и В.В. Розанов не могли принять подобной «модели» межличностного взаимодействия, которую проповедовал Ф. Ницше. В.В. Розанов заметил: «Ницше почитали потому, что он был немец, и притом – страдающий (болезнь). Но если бы русский и от себя заговорил бы в духе: «Падающего еще толкни», – его бы назвали мерзавцем и вовсе не стали бы читать»[8,с.49].

Н.А. Бердяев, как бы расшифровывая глубинную сущность статьи Раскольникова о делении общества на два разряда, пишет: «Есть два понимания общества: или общество понимается как природа, или общество понимается как дух. Если общество есть природа, то оправдывается насилие сильного над слабым, подбор сильных и приспособленных, воля к могуществу, господство человека над человеком, рабство и неравенство; человек человеку волк. Если общество

есть дух, то утверждается высшая ценность человека, права человека, свобода, равенство и братство. Это есть различие между русской и немецкой идеей, между Достоевским и Гегелем, между Л. Толстым и Ницше» [1,с.144-145].

Таким образом, различные идеологические представления о человеке и обществе имеют ярко выраженную национальную окраску и, в свою очередь, формируют соответствующий тип социальных отношений.

В теории Раскольникова, совсем как у Заратустры, происходит разрыв со старой христианской моралью. Люди «низшего» сорта, своеобразный «социальный мусор» не достойны никакого сострадания. К ним неприменимы этические нормы. Сверхчеловек волен поступать с ними как считает нужным, он абсолютно свободен и не ограничен никакими моральными нормами, он становится «по ту сторону добра и зла». Раскольников в своей статье пишет: «Законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами, и так далее, все до единого были преступники, уже тем одним, что, давая новый закон, тем самым нарушали древний, свято чтимый обществом и отцов перешедший, и, уж конечно, не останавливались и перед кровью, если только кровь (иногда совсем невинная и доблестно пролитая за древний закон) могла им помочь. Замечательно даже, что большая часть этих благодетелей и установителей человечества были особенно страшные кровопроливцы» [2,т.5,с.246]. Подавление слабых, несостоятельных – благо для сверхчеловека, но в конечном итоге Раскольников не оказывается на уровне этой идеи, Родиону так и не удалось изжить в себе остатки христианской этики сострадания. Явка с повинной доказывает, с его точки зрения, не то, что его теория не верна, а то, что он сам не принадлежит к числу великих людей, которые могут встать «по ту сторону добра и зла».

Нравственный закон христианской этики провозглашает, что всякая человеческая личность – главная ценность независимо от того, какое социальное положение в обществе она занимает. Самый незаметный, бедный и низкий человек есть бесконечная ценность, как и самый высокий.

Достоевского связывала многолетняя дружба с известным философом В.С. Соловьевым, познакомил их старший брат мыслителя Всеволод Соловьев. И, несмотря на достаточно большую разницу в

возрасте, два мыслителя очень крепко подружились, вторая супруга Достоевского вспоминает: «Впечатление Соловьев тогда производил очаровывающее, и чем чаще виделся и беседовал с ним Федор Михайлович, тем более любил и ценил его ум и солидную образованность» [3, с. 277].

Мыслители беседовали на разные темы: говорили о бессмертии и сущности вечности, затрагивался вопрос о роли религии, как регулятора общественных отношений, В.С. Соловьев ценил все романы Достоевского, но особенно высоко отзывался о «Преступлении и наказании», где, по мнению философа, Раскольников является своеобразным прообразом сверхчеловека, живой иллюстрацией к философии Ф. Ницше. Уже после смерти писателя, В.С. Соловьев, отмечая популярность философии Ницше в России, напишет эссе «Идея сверхчеловека» (1899). Для России конца XIX века Ф.Ницше действительно был «модным» автором, особенно среди декадентской молодежи. Деструктивная сторона ницшеанства очень ясно предстает перед В.С. Соловьевым. В ницшеанстве происходит разрыв со старой гуманистической моралью, презираются слабые и больные, сторонники Ф. Ницше присваивают себе исключительное место в социальной иерархии общества, этим «господским» натурам позволено все, так как их воля есть верховный закон для прочих. Кроме этических, религиозных и эстетических аргументов в пользу ущербности и опасности ницшеанства для цивилизации, В.С. Соловьев выдвигает еще один неопровержимый тезис: если сверхчеловек ставит себя на место Бога, то он должен быть бессмертным. Бог есть Абсолют и он вечен, но вечен ли сверхчеловек? В.С. Соловьев в своей статье, критикующей основы ницшеанства, отметил: «Сверхчеловек должен быть прежде всего и в особенности победителем смерти – освобожденным освободителем человечества от тех существенных условий, которые делают смерть необходимою, и, следовательно, исполнителем тех условий, при которых возможно или вовсе не умирать, или, умерев, воскреснуть для вечной жизни. Задача смелая. Но смелый – не один, с ним Бог, который им владеет» [9, т.2, с.290]. Какое бы высокое положение в обществе ни занимал человек, какое бы сверхъестественное и абсолютное значение ни имела его личность, человек смертен, а это значит, что самый великий человек и самый последний станут абсолютно равны между собой самим фактом конечности че-

ловеческой жизни. Смерть стирает любые преимущества сверхчеловека перед простой личностью. И Наполеон, и Раскольников абсолютно равны самим фактом того, что человек является тленным существом, а все превосходство сверхчеловека обращается в конце жизни в ноль, такова основная идея русского философа.

Необходимо отметить еще одну связующую нить между Ф. Достоевским и Ф. Ницше: оба мыслителя задумываются о сущности социального взаимодействия между людьми. Заратустра и Раскольников не видят смысла взаимодействовать с ближним, оба отрицают христианский идеал любви к своему собрату, оба любят лишь будущее, то, что еще не воплотилось. Происходит существенное расхождение с православной традицией. Без любви и сострадания к своему ближнему невозможно осуществление христианского идеала.

Без участия в жизни ближнего нельзя реализовать христианский идеал сострадания, ближний может остро нуждаться в помощи. Ф. Ницше видел в реализации христианского идеала «любви к ближнему» фактор будущей катастрофы всей человеческой цивилизации. В природном мире, по мнению немецкого философа, происходит своеобразный «естественный отбор» видов, на вершину биологической эволюции поднимаются наиболее приспособленные к выживанию особи. По-другому происходит «естественный отбор» в обществе индивидов. По мнению Ф. Ницше, христианство столетиями только ухудшало тип человека, давая возможность помогать слабым и неадаптированным к выживанию личностям. Общество, которое толерантно относится к слабым и неприспособленным личностям, – это социум упадка. С точки зрения Ф. Ницше, столетия христианского господства сделали из человека нечто мягкое и доброе, неплотоядное. В своем исследовании философии Ф. Ницше К. Ясперс отметит: «В этом историческом целом христианство представляется Ницше однажды свершившимся роковым несчастьем, вследствие которого люди изолгались и испортились. <...> Дело в том, что сейчас мы еще обладаем полнотой знания о прошлом, которое забудется, как только будет окончательно изжито» [15,с.37]. Мечта немецкого мыслителя – повернуть время вспять, видоизменить христианский период развития человечества. Главная мысль Ф. Ницше заключается в том, что «этика любви к ближнему», идеалы христианского сострадания погубят человечество, так как никто не может быть достоин сочувствия: «И наши нынешние проповедники милосердия морали дошли

288

уже до того, что только это и считают моральным: сбиться со своего пути и поспешить на помощь ближнему. Я хорошо знаю по себе: стоит мне только увидеть настоящее горе, как я тут же оказываюсь выбитым из кожи» [6,с.257].

Необходимо отметить, что в творчестве Достоевского проблема этики «любви к ближнему» и «любви к дальнему» раскрыта достаточно объемно.

Несмотря на схожую проблематику произведений Достоевского и философии Ф. Ницше, мыслители расходятся радикально в разрешении вопросов, поставленных ими. Ф.Ницше с сожалением писал, что Достоевский остался на стороне «рабов», отстаивал их историческую ценность, а не на стороне морали «господских» натур. Различие между мыслителями порождено сущностью общества, которое они отражали в своих произведениях. Ф. Ницше был выразителем атомизированного «открытого общества», в котором подорваны все императивы традиционного общества, и в частности система религиозных взглядов. Напротив, Достоевский – яркий представитель традиционного социума. Разные «модели» общества порождают несхожее отношение к своему ближнему. Представитель «открытого общества» отчужден от своего ближнего, ближнего необходимо победить в конкурентной борьбе, ближний не друг, а конкурент и соперник, и Ф.Ницше последовательно защищает этот тезис.

Ф. Ницше как-то писал, что жил вне общества, все современное казалось ему эманацией упадка: он презирал демократические процессы, происходящие в социуме, ненавидел демократическую культуру, ему была глубоко неприятна лицемерная набожность окружающих.

Ф. Ницше был сторонником «этики любви к дальнему», и все современное – этика «любви к ближнему», которая основывалась на христианских идеалах миролюбия, сострадания, всепрощения подвергалось его достаточно жесткой критике. Ф. Ницше предлагает избавиться от этих никчемных качеств личности, и только в этом случае мы можем спасти гибнущую человеческую цивилизацию. Все христианские идеалы заслуживают, по мнению Ф. Ницше, сильного морального осуждения, происходит разрыв с христианской этикой. Любви, по мнению немецкого мыслителя, могут заслуживать только будущие поколения людей, «ветхий человек» поражен такими чувст-

вами, как сострадание, взаимопомощь, дружба, его уже очень трудно будет «развить» до сверхчеловека.

С.Л. Франк в своей книге о Ф. Ницше назовет немецкого мыслителя первооткрывателем проблемы этики «любви к ближнему» и этики «любви к дальнему»: «Одной из гениальных заслуг Ф. Ницше является раскрытие и сознательная оценка этой старой как мир, но никогда еще не формулированной откровенно и ясно антитезы между любовью к ближнему и любовью к дальнему» [11, с.15]. Но необходимо отметить, что в исследовании этой проблемы Достоевский все-таки опередил Ф. Ницше, проблема «любви к ближнему» и «любви к дальнему» присутствует в романах «Преступление и наказание», «Подросток» и особенно в романе «Братья Карамазовы». Отличие Ф. Ницше от Достоевского в том, что русский писатель, руководимый христианским идеалом сострадания, не может отвергнуть своего ближнего, не может сделать его средством достижения очередного этапа эволюционного развития человечества. Счастливое будущее не может быть воплощено за счет трагического настоящего. Ф.Ницше пишет о том, что стыдно быть человеком, личность должна превзойти себя, превратиться в результате отбора «господских» натур в сверхчеловека. Напротив, по мнению Достоевского, гармония будущего может базироваться на этике «любви к ближнему», в творчестве писателя содержатся гуманистические православные мотивы. В данном контексте любопытен диалог Ивана и Алексея Карамазовых, напомним, что Иван – атеист, но атеизм его особого рода: он не борется против Бога, а восстает против богоустроенного мира. Но христианская этика настаивает на том, что без любви к своему ближнему невозможно познать и любовь божественную. Любовь к ближнему есть своеобразное воплощение любви к Богу: «Кто говорит: я люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит. И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего» (Иоанн, 4:20-21).

Именно в XX веке наиболее четко проявились негативные последствия процесса богоубийства. Старый Бог, как писал Ф.Ницше, был изгнан из многих людских сердец. Ушедший век показал нам, каким бесплодным оказался светский гуманизм, прошедшее столетие продемонстрировало полное бессилие остановить вакханалию насилия, кровавые войны и революции стерли из человеческого сознания

все иллюзии «царства благоденствия и свободы». Человечество ныне стоит перед выбором: либо вернуться к христианской этике, которую проповедовал Достоевский, либо быть низвергнутым в бездну «борьбы всех против всех». Достоевский позиционировал христианство как религию «любви к ближнему», если же писатель ошибался, то ближний теперь наш конкурент и объект подавления, а не брат. Достоевский проповедует любовь, взамен ненависти. М. Хайдеггер писал: «Христианская вера еще будет – здесь, там, где-нибудь. Однако правящая в том мире любовь уже перестала быть действительно-действительным принципом всего совершающегося теперь. Сверхчувственное основание сверхчувственного мира, если мыслить его как действительную действительность всего действительного, сделалось бездейственным. Вот в чем метафизический смысл метафизически продумываемых слов «Бог мертв»» [13, с. 353].

Не принимая своего ближнего, Иван Карамазов отталкивает от себя и Бога, он отказывается от христианского идеала сострадания, совсем как Ф. Ницше прячет глаза, проходя мимо слабого или больного человека, он как и Ф. Ницше желает видеть «нового» человека, своеобразную вершину эволюционного процесса: «Я тебе должен сделать одно признание, – начал Иван: – я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних. Именно ближних-то по-моему и невозможно любить, а разве лишь дальних. Я читал вот как-то и где-то про «Иоанна Милостивого» (одного святого), что он, когда к нему пришел голодный и обмерзший прохожий и попросил согреть его, лег с ним вместе в постель, обнял его и начал дышать ему в гноящийся и зловонный от какой-то ужасной болезни рот его. Я убежден, что он это сделал с надрывом, с надрывом лжи, из-за заказанной долгом любви, из-за натащенной на себя эпитимии. Чтобы полюбить человека, надо чтобы тот спрятался, а чуть лишь покажет лицо свое – пропала любовь» [2, т. 9, с. 470].

Иван Карамазов не принимает одну из главных заповедей православной религии – сострадание к своему ближнему.

Делая вывод, необходимо отметить, что Достоевский в двух своих романах сконструировал специфический образ человека будущего. Он ясно уловил кризис «модели» христианского человека, но та личность, которая пришла ему на смену крайне напугала русского писателя. Именно Ф. Ницше, пожалуй, ярче всех сформировал образ человека,

отвергающего старую христианскую мораль. Достоевский в своих романах противопоставил идее сверхчеловека идеал православной личности. В образе сверхчеловека ясно проступали черты личности, ставшей «по ту сторону добра и зла», философия Ф. Ницше в определенной степени легитимизировала национал-социалистический режим А. Гитлера. Задолго до Нюрнбергского трибунала, Достоевский писал о нежизнеспособности учения, в основу которого кладется ненависть к своему ближнему. В этом смысле идеал христианской личности является более позитивным образом человека будущих эпох, история подтвердила правоту данного тезиса.

Литература:

1. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – 527с.
2. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. – Л.: Наука, 1988-1996.
3. Достоевская А. Г. Воспоминания. – М.: Правда, 1987. – 544 с.
4. Достоевский Ф. М. Новые материалы и исследования. – М.: Наука, 1973. – 789с.
5. Кара-Мурза С. Г. Истмат и проблема Восток - Запад. – М.: Эксмо, 2002. – 256 с.
6. Ницше Ф. В. Веселая наука. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 352 с.
7. Одуев С. Ф. Тропами Заратустры (Влияние ницшеанства на немецкую буржуазную философию). – М.: Мысль, 1976. – 431с.
8. Розанов В. В. Уединенное. – М.: Политиздат, 1990. – 543 с.
9. Соловьев В. С. Сочинения в 2 томах. – М.: Мысль, 1990.
10. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
11. Франк С. Л. Сочинения. – М.: Правда, 1990. – 604 с.

12. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – Мн.: Попурри, 1999. – 624 с.
13. Хайдеггер М. Истоки художественного творения. – М.: Академический проект, 2008. – 528 с.
14. Шубарт В. Европа и душа Востока - М.: Эксмо, 2003. – 480с.
15. Ясперс К. Ницше и христианство. – М.: Медиум, 1994. – 115 с.